

В. Д. Наривская
(г. Днепропетровск)

О НОВЫХ ПОДХОДАХ К ИЗУЧЕНИЮ ТВОРЧЕСТВА И. ШМЕЛЕВА

Состояние проблемы «Шмелев-художник» свидетельствует о настоятельной потребности разработки новых методологических подходов к ее осмыслению, необходимости пересмотра ключевых положений, сформулированных в процессе в большей степени спонтанного обращения к творчеству писателя. К сожалению, за высокой литературоведческой пиететностью скрывался досадный недостаток отечественных и зарубежных исследователей — устоявшееся представление о Шмелеве как о писателе «второстепенном», что, по нашему мнению, во многом обусловлено вульгарно-социологическим истолкованием его изначальных характеристик как «реалиста, бытовика». На фоне разыгравшейся личной драмы писателя, отчасти разрешившейся ситуацией отъезда в эмиграцию, это определение скорее усугубило маргинальность (а возможно, и второстепенность) его положения относительно резко изменяемого идеологического канона русской литературы XX века. В результате свершившихся уже в конце XX века необратимых процессов возвращения к идеалам вечных ценностей, для Шмелева открылась возможность в канун XXI века занять свое место в литературной иерархии. Хотя точнее было бы сказать, это не столько возможность для Шмелева, сколько необходимость для русской литературы, ее исторически закономерная потребность возвратить в свое лоно одну из ключевых фигур. Эта необходимость, обусловленная эстетическим состоянием литературы, типологически соотносима с процессами, происходящими в мировой литературе, а именно: со всевозрастающим интересом к проблеме «малых писателей», «второстепенных авторов». Несмотря на то, что факт наличия таковых всегда вызывал сомнения, тем не менее обширный историко-литературный материал, писательские судьбы (и не только XX века) свидетельствуют как о наличии классического канонического литературного ряда, так и другого, который Ю. Лотман, например, обозначил как ряд «нарушения канонов», «нарушение заранее предписанных норм». При этом Ю. Лотман отмечал, что «во втором случае эстетические ценности возникают не в результате выполнения норматива, а как следствие его нарушения»^{*1}.

В этом качестве, обоснованном Ю. Лотманом как закономерности историко-литературного процесса, наверное, ключ к разгадке

феномена Шмелева. Его второстепенность была результатом не того, что он слишком долго удерживал себя в границах разрушающегося художественно-эстетического направления, а именно потому что его эволюция была цепью эстетических нарушений, которые все же остались вне поля зрения и критики, и литературоведения, поскольку осмысление происходящего требовало формирования новых информационных контекстов. Известно и другое, что время от времени происходит пересмотр прежних оценок тех или иных писателей, в результате чего осуществляется «перевод» отдельных так называемых «второстепенных» авторов в первый литературный ранг без нарушения традиционного канона, что, собственно, и произошло с Ив. Шмелевым. На волне кардинально меняющегося отношения к литературной истории XX века, к литературе русского зарубежья (отказ отделения литературы по идеологическому принципу, публикация произведений Шмелева, представляющего все многообразие творческого наследия писателя, ряд научных конференций, в первую очередь Алуштинских), во многом изменили наше представление и о русском литературном каноне и о месте Шмелева в нем.

И все-таки происходящая эстетическая дифференциация оставляет ощущение некоторой иллюзорности. Совершенно очевидно, что мы вплотную подошли к необходимости разработки новых методологических подходов к изучению творческого наследия писателя, хотя уместен был и предваряющий его этап, интуитивистский, как своеобразная методологическая установка, признающая последним основанием бытия и познания непосредственное «живое» проникновение в предмет (чем, собственно, и характеризуются достижения нашего литературоведения за последние десятилетия). Продолжающийся процесс создания новаторской концепции истории всемирной литературы XX века (в том числе и русской) предполагает активную разработку точки отсчета литературного века. В этой связи литературоведческая мысль все настойчивее акцентирует 1914 год. Наиболее убедительной в этом плане представляется концепция Л. Андреева, где период первой мировой войны обосновывается как особенный, характеризующийся общим кризисом основополагающих ценностей, постигшим европейскую цивилизацию, связанный с крушением, распадом либерально-демократических ценностей и одновременно началом начал трагических поисков, которые далеко не всегда приводили не только к желаемому результату, но и вообще к какому-либо результату*². Л. Андреев смог вывести формулу бытия литературного века, выраженную в форме противостояния реализма и модернизма, а «перехо-

ды», «переходные» явления литературы, «границы» в сфере творчества как «метафоры индивидуального поиска», «неповторимость художника и его свободы» и вместе с тем эволюцию художника и общества от Заката Европы к Концу Истории»^{*3}.

Безусловным является то, что Иван Шмелев, живущий в «эпохальное» время, имел к этим проблемам непосредственное отношение. Призыв В. Розанова к тому, чтобы «в творчестве писателя определить все входящие нити», а затем «мы должны идти, руководимые ими, в духе самого писателя и вскрывать его содержание, его строй», — способствовал утверждению взгляда на литературу как на «ряд ... индивидуальных миров»,^{*4} что подталкивало к новому прочтению известного и неординарного толкованию вновь созданного.

Разительно и стремительно изменяющееся эстетическое содержание литературы не обесценивало реализм, но актуализировало его интеграционную роль с тем, чтобы преодолеть процесс распада нравственных устоев. И тем не менее представление о Шмелеве как о классическом «писателе-реалисте» подвергается сомнению уже на этапе создания повести «Человек из ресторана» (1911 г.). Сомнение вызвано не столько определением как таковым, сколько одномерностью толкования возможностей реализма, исключающих вероятность бытования его в каких-либо модификациях. Поэтому с течением времени определения, нивелирующие потенциальные возможности Шмелева-художника, утрачивали изначальный смысл, превращаясь в явление, которое М. Мамардашвили обозначил как «культурный эквивалент, отделившийся от твоего образа и тела, и который ... уже самостоятельно начинает циркулировать в культуре»^{*5}.

Осмысление художественно-эстетической позиции Шмелева, текстуальный анализ, свидетельствуют о принципиальных изменениях в творчестве писателя с 1910 до середины 20-х годов. Представляется, что это наиболее интересный период в его творческой судьбе по насыщенности видоизменениями художественного восприятия мира. Так, в «Человеке из ресторана» Шмелев уходит от воссоздания «маленького человека» как социально определенного типа. В названии повести скрыт глубоко полемический смысл: в «человеке из ресторана» есть лишь провоцирующий социальность как традицию аспект, от которой он, художник нового времени, отталкивается, а не слепо следует за ней, ориентируясь в своих поисках уже на литературный тип. Напомним «тихий», «теневого», «реалист» Шмелев подчеркнуто громко заявляет о своих художественных интересах, связанных с творчеством беллетриста Альбова, «русского Пруста», как он его называл, хотя современники виде-

ли в нем эпитона Достоевского (современный исследователь В. Страда оценивает его уже как «талантливый писателя», способного «создавать неуловимую атмосферу сумеречной реальности с сонмом бесцветных существ»)*6. Упоминание о Прусте не случайно. В повести Шмелева «маленький человек» представлен как саморазвивающийся тип русской литературы на пути к освоению нового для себя качества гуманизма как рефлексированного антропоцентризма, имеющего своим объектом ценность человека. Этот процесс у Шмелева выражен в форме некоего художественно-эстетического пограничья: вялой релятивности ценностей, провоцирующей решительный уход от них как исчерпавших себя в связи с проблемой «маленького человека», в переходе к созданию образа одномерного человека, с унифицирующим сознанием. Поэтому для Шмелева, вероятно, эпитонство Альбова было в какой-то мере более предпочтительным фактором, с одной стороны, смягчающим мощнейшее влияние Достоевского, явившего миру новый художественный смысл «маленького человека» — этический, с другой — позволяющий ему (Шмелеву) «найти человека в человеке», видеть «человеческое — слишком человеческое» в своем герое. Как известно, именно на это была ориентирована литература начала XX века: неоромантический «Человек» М. Горького, футуристический «Человек» В. Маяковского, религиозно-гуманистический, экстатический «Человек» Вяч. Иванова, смиренный «Человек» Леконта де Лиля и т. д. Для Шмелева в этом ряду Альбов был значимой фигурой.

В этом контексте несколько по-иному воспринимаются и намерения Шмелева, высказанные им в письме к Горькому: «...выявить слугу человеческого, который по своей специфической деятельности как бы в фокусе представляет всю массу слуг на разных путях жизни»)*7. Повествование Шмелева выстраивается как исповедь человека, впитавшего в себя множественность социокультурных смыслов: официант, лакей, слуга. Но ведущая мысль повествования Шмелева — «Я человек»)*8. Многократно модифицированная, варьированная, раскрывающая внешнюю (в «лице представительность») и внутреннюю («всякий труд честен и благороден и словами человека замарать нельзя») отстраненность от лакейства. Воспринимая лакейство «как судьбу», герой Шмелева вместе с тем акцентирует, что лишь состоит «при ресторане». Эта отстраненность открывает возможность оценить «служение» как личный индивидуальный опыт, выраженный в исповедальном слове, которое придает всему бытийную упорядоченность. Шмелев раскрывает содержание понятий, сводя их к общему знаменателю: официант (от фр. — служащий, лакей или — слуга, служитель, прислужник,

«попросту человек» (по Далю)*⁹; В его толковании человек — «каждый из людей»*¹⁰, акцентируя смысл «человека-слуги», возможно, предваряя тип, созданный Гессе). Герой Шмелева не рвет с рестораном, со своей средой, но находится уже в пограничном состоянии, оставляя за собой право соотносить себя с миром, с многообразием человеческих типов, не заявляя пока еще во всеуслышанье об этой колоссальной работе духа («У меня результат свой есть, внутри ... Всему цену знаю»).

Отталкиваясь от модификаций литературного типа «маленького человека», Шмелев в своих поисках абстрагируется, отвлекаясь от непосредственной данности. Сохраняя сущность, писатель говорит не о наличном, а уже о возможном человеке, философский смысл которого как закономерность ощутим прежде всего в литературе, когда он «может сверкнуть на какое-то время, **промелькнуть, установиться** в пространстве некоторого собственного усилия»*¹¹. Представляется, что смысл сделанного Шмелевым не столько в том, что он «сумел полностью перевоплотиться в своего героя, увидеть мир глазами официанта», сколько в бытии как «собственном усилии», ценность которого донесло до нас исповедальное слово героя. И это то новое качество шмелевской прозы, которое будет активно развиваться в публицистике, достигнув апогея в прозе 20-х годов.

Примечания

*¹ Лотман Ю. М. Каноническое искусство как информационный парадокс // Лотман Ю. М. Избранные статьи: В 3 т. Т. 1. Статьи по семиотике и культуре. Таллин. — 1992. — С. 243.

*² Зарубежная литература XX века: Учеб. для вузов / Л. Г. Андреев, В. А. Карельский, Н. С. Павлова и др.; Под ред. Л. Г. Андреева. М., 2000. С. 10.

*³ Андреев Л. Г. «Длинные волны» культуры // На границах. Зарубежная литература от средневековья до современности: Сб. работ / Отв. ред. Л. Г. Андреев. М., 2000. С. 3–4.

*⁴ Розанов В. Литературные очерки. СПб., 1899. С. 105–106.

*⁵ Мамардашвили М. Лекции о Прусте. М., 1995. С. 89.

*⁶ История русской литературы: XX век: Серебряный век / Под ред. Жоржа Нива, Ильи Сермана, Витторио Страда, Ефима Эткинда. М., 1995. С. 47.

*⁷ Письмо И. С. Шмелева А. М. Горькому от 22 декабря 1910 г. // Архив А. М. Горького ИМЛИ.

*⁸ Шмелев И. С. Человек из ресторана // Шмелев И. С. Избранное. М., 1989. С. 23. Далее цитируем по этому изданию.

*⁹ Даль Владимир. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. II. М., 1981. С. 235.

*¹⁰ Там же, Т. IV, С. 588.

*¹¹ Мамардашвили М. К. Проблема человека в философии // О человеческом в человеке / Под общ. ред. И. Т.Фролова. М., 1991. С. 11.